

імали

1925-й год. Сталин еще первый среди равных, НЭП в самом разгаре, на XIV партийной конференции осужден Троцкий и принято положение о «построении социализма в одной стране».

В апреле 1925-го в гастрольную поездку по Украине отправился знаменитый ГОСЕТ — Московский государственный еврейский театр, ведущим актером которого уже считался Соломон Михоэлс. 1 млн 750 евреев проживали тогда в границах УССР, и для подавляющего большинства из них идиш был родным языком.

В Киеве ГОСЕТ семь раз при полном аншлаге сыграл пьесу «200 тысяч» по мотивам произведения Шолом-Алейхема и пять раз — «Ночь на старом рынке» И.-Л.Переца. Как писала киевская пресса, каждый спектакль посетило более полутора тысяч человек, что не удивительно при численности еврейского населения в 140 000.

Из Киева ГОСЕТ выехал в Бердичев, затем продолжил гастроли в Екатеринославе, Харькове, Кременчуге, Одессе и Виннице. В «еврейском Париже», как называл Шолом-Алейхем Бердичев, вместо шести театр дал восемь спектаклей. Целые группы еврейской молодежи пешком пришли из Житомира, чтобы увидеть игру самой знаменитой еврейской труппы СССР. Здесь же, в Бердичеве, были отсняты первые сцены кинофильма «Еврейское счастье», режиссером которого выступил художественный руководитель ГОСЕТа Алексей Грановский, художником стал Натан Альтман, а титры к немой картине написал Исаак Бабель. Действие начинается в маленькой полуразрушенной хибарке — «дворце» Менахема-Мендла, блестяще сыгранного Михоэлсом.

Затем съемки переместились в Кременчуг, где ГОСЕТ тоже дал несколько спектаклей. Режиссер и художник фильма вместе с оператором Эдуардом Тиссэ (снявшим все фильмы Эйзенштейна) осмотрели город и окрестности, выбирая натуру. В итоге было решено снимать на пристани и на вокзале.

«Съёмка начинается по утрам, чуть ли не с рассветом, — писала 30 мая 1925 года местная газета «Наш Путь». — Массовые сцены вызывают недоумение среди населения. Толпы любопытных идут вслед за кинооператором. Милиционеры вынуждены принять меры для водворения порядка. Съёмка идет... Толпа превращается в зрение и слух. Мерно постукивают рычаги киноаппарата, который запечатлевает работу артистов. Многие из толпы радуются, смеются и спрашивают, можно ли посмотреть на ленту, и получают от своих же товарищей насмешливый взгляд и разъяснение, по поводу того, что это только негатив. «Ленту ты увидишь в кино». ...Оператор щелкает своей камерой, запечатлевая жизнь кременчугской улицы. Скоро эта фильма будет показана в европейских и американских кино. А потом мы увидим кременчугский фон в наших же кинозалах».

Все так и произошло — «фильма», снятая на Первой фабрике Госкино, имела бешеный успех как в СССР, так и за рубежом (картину выпустили и в экспортной версии). А потом... Потом Грановский стал невозвращенцем, Бабеля (фактически, соавтора сценария) расстреляли, а Михоэлса в 1948-м раздавили грузовиком. Фильм исчез на много десятилетий, был чудом найден в годы Перестройки и восстановлен в 1990-м на студии ZDF в Гамбурге.

Сегодня эта картина — единственная возможность увидеть еврейский быт черты оседлости начала прошлого века. Ведь киношникам почти не приходилось додумывать — они просто с любовью снимали мир, дни которого были сочтены.

Поэтому спустя девяносто пять лет, пересматривая «Еврейское счастье», мы любимся улочками довоенного Бердичева и Винницы, узнаем старый Крюковский мост через Днепр, наслаждаемся непревзойдённой игрой Михоэлса и... улыбаемся сквозь слезы. Как это умел делать Шолом-Алейхем.

Борис Бабилуа, специально для «Хадашот»